
Ева Рейн
Развод.
А теперь верни моё!

Ева Рейн

Развод. А теперь верни моё!

«Литнет»
2026

Рейн Е.

Развод. А теперь верни моё! / Е. Рейн — «Литнет», 2026

«Мама умирала и звала тебя, а твой муж сказал, что ты отказалась приехать», — призналась сестра, с которой я не разговаривала двадцать лет. Мне пятьдесят шесть. Тридцать один год я прожила с человеком, которого считала единственной настоящей опорой. Муж всегда говорил, что родная сестра меня ненавидит, мать так и не простила, а остальные родственники давно вычеркнули из своей жизни. И я верила. Даже когда хоронила маму, не успев с ней попрощаться. Но однажды я случайно нашла письма, которых никогда не получала. Письма от сестры. От племянницы. От матери, которой уже четырнадцать лет нет в живых. И тогда поняла: человек, который клялся защищать меня от всех, годами скрывал от меня самое дорогое. — Я делал это ради нашей семьи, Лена! — заявил муж, когда я потребовала объяснений. — Ты без меня никто! Кому ты нужна в пятьдесят шесть лет? А вот это мы ещё посмотрим, дорогой. Потому что теперь я намерена узнать всю правду. И вернуть всё, что ты у меня отнял. Только одного ты пока не понимаешь: обратно я уже не вернусь.

© Рейн Е., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. ПИСЬМА, КОТОРЫХ Я НЕ ПОЛУЧАЛА 5
ГЛАВА 2. Я ТЕБЯ ОТ НИХ СПАСАЛ 16
ГЛАВА 3. ТЫ ВЕДЬ САМА ОТ НАС ОТКАЗАЛАСЬ 27
Конец ознакомительного фрагмента. 28

ГЛАВА 1. ПИСЬМА, КОТОРЫХ Я НЕ ПОЛУЧАЛА

Елена проснулась от звона посуды на кухне и некоторое время лежала, прислушиваясь к тому, как муж переставляет чашки, открывает шкафчики и что-то недовольно бормочет себе под нос. После выхода на пенсию Анатолий приобрёл неприятную привычку вставать раньше неё даже в выходные дни, а затем непременно находить какую-нибудь причину для недовольства. То ему не нравилось, что хлебница стоит слишком близко к плите, то полотенца висели не на своих местах, то продукты в холодильнике были разложены неправильно. Прежде большую часть дня он проводил на работе, и Елена успевала отдохнуть от его замечаний хотя бы до вечера. Теперь же муж постоянно находился дома и, по-видимому, считал своим долгом внимательно следить за всем происходящим в квартире.

Она посмотрела на часы, вздохнула и наконец поднялась. Вчера в клинике выдался тяжёлый день, пришлось задержаться почти на два часа из-за внезапно заболевшей сотрудницы, и Елена рассчитывала хотя бы сегодня спокойно выспаться. Однако по характерному звону чашек уже понимала, что Анатолий чем-то раздражён и наверняка не успокоится, пока не выскажет свои претензии. Женщина накинула халат, поправила волосы перед зеркалом и отправилась на кухню, заранее приготовившись к очередному разговору о домашних обязанностях.

— Доброе утро, — сказала она, входя в кухню и направляясь к чайнику. — Ты чего с самого утра гремишь? Я думала, хоть в субботу посплю нормально, а ты уже весь дом перебудил. Что у тебя опять случилось?

Анатолий сидел за столом в домашней рубашке и листал новости на телефоне. Перед ним стояла пустая чашка, рядом лежал кусок хлеба, который он так и не доел. Муж поднял глаза, окинул жену недовольным взглядом и отложил телефон, словно только и ждал возможности начать разговор.

— А ты посмотри, что у нас в холодильнике творится, — ответил он, кивнув в сторону кухонной мебели. — Купила вчера какой-то салат, поставила на верхнюю полку, а он протёк. Я утром достал молоко, так там всё липкое. Тебе трудно было нормально контейнер закрыть?

— Толя, я вчера в половине девятого домой пришла, — напомнила Елена, доставая из шкафчика чистую кружку. — Поужинала и спать легла. Если салат протёк, значит, плохо закрыла, сейчас вытру. Не понимаю только, зачем из-за этого с самого утра представление устраивать.

— Конечно, представление, — раздражённо отозвался Анатолий. — Стоит тебе замечание сделать, сразу начинается. Я ведь не ругаюсь, просто говорю, что дома должен быть порядок. А тебе всё равно, лишь бы на работе порядок был, там ты у нас начальница.

Елена обернулась и несколько секунд смотрела на мужа, стараясь решить, стоит ли отвечать. Она действительно занимала должность старшего администратора в небольшой частной клинике и привыкла следить за работой нескольких сотрудников, однако дома никогда не пыталась командовать мужем. Скорее наоборот, с годами ей всё чаще приходилось отстаивать самые обычные решения, которые Анатолий почему-то считал необходимым обсуждать. Раньше она списывала это на усталость и напряжённую работу, но после его выхода на пенсию положение только ухудшилось.

— Я не начальница, а старший администратор, — поправила она, открывая холодильник. — И ты прекрасно знаешь, что я там делаю. Если бы каждый из наших сотрудников столько времени тратил на обсуждение чужих ошибок, сколько ты тратишь на мои, клиника давно бы закрылась. Давай не будем с утра ссориться, хорошо?

Анатолий недовольно поджал губы, но отвечать не стал. Елена достала контейнер, увидела небольшое пятно на стеклянной полке и быстро вытерла его влажной салфеткой. На всё

ушло меньше минуты, однако настроение уже было испорчено. Она поставила чайник, нарезала хлеб и достала из холодильника сыр, решив приготовить себе завтрак, пока муж не обнаружил очередной недостаток.

За тридцать один год совместной жизни они успели привыкнуть к подобным разговорам. Когда-то Елена искренне любила обстоятельность Анатолия, его хозяйственность и уверенность, с которой он принимал решения. В первые годы брака ей нравилось, что муж умеет самостоятельно решить любую бытовую проблему, никогда не забывает оплатить счета и всегда знает, где лежат необходимые документы. Он заботился о ней во время болезней, встречал после поздних смен и мог неожиданно принести домой любимые пирожные. Конечно, случались и ссоры, иногда довольно тяжёлые, однако Елена долго считала их неизбежной частью супружеской жизни. Постепенно забота мужа всё чаще сопровождалась замечаниями, а его уверенность превращалась в требование беспрекословно соглашаться с ним.

— Ты сегодня к своей Людмиле собиралась? — спросил Анатолий, когда жена села напротив него. — Или опять весь день по магазинам ходить будешь?

— Я собиралась сначала уборкой заняться, а после обеда к Люде зайти, — ответила Елена, намазывая масло на хлеб. — Она мне ещё на прошлой неделе звонила. У неё внучка из больницы выписалась, хотела фотографии показать. А что?

— Да ничего, просто интересно, — пожал плечами муж. — Дома дел полно, а ты всё по гостям. Вчера на работе до ночи, сегодня к подружке. Иногда кажется, что тебе здесь вообще находиться неприятно.

— Мне неприятно, когда меня с утра начинают отчитывать из-за пролитого салата, — резко ответила Елена. — А к Людмиле я схожу, потому что сама этого хочу. Не вижу никакой трагедии в том, что женщина в пятьдесят шесть лет может два часа провести у подруги без разрешения мужа.

— Опять ты за своё, — Анатолий откинулся на спинку стула и покачал головой. — Кто тебе что запрещает? Я хоть раз сказал, что ты не имеешь права куда-то ходить? Просто нормальные люди сначала о доме думают, а потом уже о развлечениях. Но с тобой ведь невозможно спокойно разговаривать.

Елена хотела возразить, но передумала. Она знала, что муж способен ещё долго доказывать, будто ничего особенного не сказал, а все неприятности возникают исключительно из-за её характера. Раньше подобные споры заканчивались тем, что она либо просила прощения, либо уходила в другую комнату, не желая продолжать бессмысленный разговор. В последнее время женщина всё чаще выбирала второй вариант, поскольку уже не испытывала прежнего желания непременно помириться.

— Знаешь, Толя, иногда мне кажется, что ты после пенсии просто не знаешь, чем себя занять, — сказала она, допивая чай. — Раньше у тебя были сотрудники, которым можно было замечания делать, а теперь осталась одна я. Может, тебе действительно какое-нибудь занятие найти? Ты же сам говорил, что дома сидеть не собираешься.

Муж болезненно поморщился и снова взял телефон. Елена сразу поняла, что задела его самолюбие, поскольку после выхода на пенсию Анатолий действительно тяжело привыкал к отсутствию прежней работы. Ему не нравилось, что никто больше не обращается к нему за распоряжениями, не просит разрешения и не советуется по каждому поводу. Однако признавать это он категорически отказывался.

— Ты лучше за собой следи, — произнёс он после непродолжительного молчания. — Я, между прочим, тридцать один год с тобой живу и как-то справляюсь. Другой давно бы рукой махнул, с твоим-то характером. Сама подумай, даже родная сестра столько лет знать тебя не хочет, а ты всё остальных виноватыми считаешь.

Елена медленно положила нож на тарелку. Упоминание Нины всегда действовало на неё болезненнее любых других замечаний, и муж прекрасно об этом знал. За двадцать лет она

так и не сумела окончательно забыть старшую сестру, хотя старалась не вспоминать о ней без необходимости. Иногда Елена видела во сне родительский дом, слышала знакомый голос Нины и просыпалась с тяжёлым чувством, будто потеряла что-то важное, чего уже никогда не сможет вернуть. Особенно мучительно становилось в дни семейных праздников, когда Людмила рассказывала о встречах с братьями и сёстрами или показывала фотографии многочисленных родственников.

— Не трогай Нину, — попросила Елена, стараясь говорить ровно. — Мы с тобой сейчас совсем о другом разговаривали. Я не собираюсь опять обсуждать ссору двадцатилетней давности.

— А чего её обсуждать? — Анатолий пожал плечами, словно речь шла о совершенно очевидной вещи. — Она тебя тогда сама знать не захотела. И мать твою против тебя настроила, если уж на то пошло. А я рядом был, когда ты ночами плакала. Только это почему-то быстро забывается.

Елена почувствовала знакомую тяжесть в груди. После смерти матери она долго не могла простить себе, что так и не нашла возможности помириться с ней. Самым страшным было даже не отсутствие последнего разговора, а уверенность, что мать умерла, продолжая считать младшую дочь предательницей семьи. Анатолий тогда действительно находился рядом, успокаивал жену, сопровождал её на кладбище спустя несколько недель после похорон. Елена помнила, как плакала возле могилы, а муж неловко обнимал её за плечи и говорил, что теперь уже ничего нельзя изменить.

— Я ничего не забыла, — тихо ответила она и поднялась из-за стола. — Но это не значит, что ты можешь при каждой ссоре напоминать мне о матери и сестре. Они здесь ни при чём, и я больше не хочу об этом разговаривать.

Анатолий что-то недовольно пробормотал, однако спор продолжать не стал. Елена убрала со стола свою посуду и отправилась в спальню, решив заняться уборкой. У неё оставалось достаточно домашних дел, а портить единственный свободный день бесконечными выяснениями отношений не хотелось. Через некоторое время муж включил телевизор, и из гостиной донёсся голос ведущего утренней передачи. Елена достала чистое постельное бельё, открыла окно и принялась приводить комнату в порядок.

К полудню настроение немного улучшилось. Она успела вымыть полы, разобрать одежду и даже поговорить по телефону с Людмилой, договорившись зайти к ней ближе к вечеру. Анатолий тоже перестал ворчать и занялся какими-то своими делами. Подобные перемены происходили в их доме довольно часто: после неприятного разговора муж мог через полчаса совершенно спокойно предложить жене чай, спросить, что приготовить на ужин, или рассказать какую-нибудь новость. Елена привыкла к этой особенности и обычно не напоминала о недавних обидах, поскольку знала, что иначе спор начнётся снова.

Неприятность обнаружилась совершенно случайно. Елена отправилась в небольшую кладовую возле прихожей за чистыми полотенцами и заметила на полу тёмное влажное пятно. Сначала она решила, что кто-то пролил воду, но, присмотревшись, увидела, что жидкость постепенно выступает из-за нижней полки, под которой проходила труба. Женщина присела, провела пальцами по мокрому участку и недовольно вздохнула. На полу стояли несколько старых коробок с документами мужа, и нижняя уже успела заметно размокнуть.

— Толя, иди сюда! — позвала Елена, поднимаясь. — У нас в кладовой вода течёт. Я не пойму откуда, но коробки уже мокрые. Посмотри, пожалуйста, пока всё окончательно не залило.

Анатолий появился через несколько минут, недовольно поглядывая на телевизор, от которого его оторвали. Он присел возле трубы, некоторое время изучал влажное место, затем поднялся и отправился перекрывать воду. Елена тем временем начала вытаскивать из кладовой коробки, стараясь не испачкать руки размокшим картоном. Муж вернулся, снова осмот-

рел трубу и заявил, что придётся сходить в хозяйственный магазин за необходимой мелочью, поскольку дома ничего подходящего не оказалось.

— Только мои бумаги не разбирай, — предупредил он, надевая куртку. — Вытащи коробки в коридор, и всё. Я потом сам посмотрю, что там намокло, а что можно оставить. Ты ведь обязательно что-нибудь перепутаешь.

— Конечно, Толя, — раздражённо ответила Елена, вытирая руки полотенцем. — Я тридцать лет с документами работаю, но твои старые квитанции наверняка окажутся для меня слишком сложными. Иди уже, пока магазин не закрылся, а то ещё полдня без воды сидеть будем.

Муж хотел что-то возразить, но ограничился недовольным взглядом и вышел из квартиры. Елена проводила его до двери, после чего вернулась в кладовую. Коробки действительно намокли, и оставлять бумаги внутри было нельзя. Она расстелила на кухонном столе старую клеёнку, принесла первую коробку и начала перекладывать содержимое, отделяя сухие документы от влажных.

Большинство бумаг оказалось совершенно бесполезным хламом. Здесь лежали старые служебные записи Анатолия, квитанции двадцатилетней давности, инструкции от давно выброшенной бытовой техники и аккуратно сложенные папки с документами, которые муж почему-то продолжал хранить. Елена даже усмехнулась, обнаружив несколько гарантийных талонов от телевизора, сломавшегося ещё до пандемии. Анатолий никогда ничего не выбрасывал без долгих раздумий и искренне считал, что любая бумажка однажды может пригодиться. Когда-то эта предусмотрительность казалась ей забавной, но с годами старые документы заняли почти половину кладовой.

Она переложила несколько папок на подоконник и взялась за вторую коробку. Та была тяжелее первой и почти полностью заполнена бумагами, среди которых попадались старые блокноты, конверты и фотографии бывших сослуживцев мужа. Елена собиралась просто просушить содержимое и убрать обратно, когда заметила небольшой перевязанный бечёвкой свёрток. На верхнем конверте крупными буквами было написано её имя.

Женщина машинально потянулась к нему, но потом остановилась. Сначала она подумала, что это какие-нибудь старые поздравления, которые Анатолий когда-то убрал вместе с другими бумагами. Однако на конверте значился совершенно другой адрес отправителя. Елена прищурилась, повернула его к свету и вдруг почувствовала, как неприятно сжалось сердце.

«Н. Лебедева».

Она узнала фамилию сразу, хотя много лет старалась не произносить её вслух. Нина после замужества стала Лебедевой и уже больше тридцати лет жила под этой фамилией. Елена помнила её почерк, особенно характерную манеру выводить заглавные буквы, немного наклоняя их вправо. Они когда-то часто переписывались, когда младшая сестра училась и некоторое время жила отдельно от родителей. Нина присылала ей длинные письма, рассказывала о маленькой Полине, жаловалась на домашние заботы и обязательно добавляла несколько строчек о матери.

Елена осторожно разрезала бечёвку и достала первый конверт. На нём стоял почтовый штемпель 2011 года. Адрес получателя был указан совершенно правильно: их квартира, улица, номер дома, фамилия и имя Елены. Женщина несколько секунд смотрела на конверт, пытаясь вспомнить, не получала ли подобного письма, но память не подсказывала ничего. Тогда она осторожно вскрыла его и достала сложенный вдвое лист бумаги.

«Лена, здравствуй. Не знаю, станешь ли ты читать моё письмо, но всё-таки решила написать. Столько лет прошло, а мы с тобой так и не поговорили нормально. Я понимаю, что тогда мы обе наговорили много лишнего, и теперь уже трудно разобраться, кто кого обидел сильнее. Но мне кажется, что дальше так продолжаться не должно. Всё-таки мы родные сёстры, и никого ближе после мамы у нас нет».

Елена остановилась и перечитала первые строки. Ей стало странно оттого, насколько живым и знакомым оказался голос сестры, словно Нина не исчезала из её жизни на долгие годы, а всего лишь некоторое время не звонила. Она перевернула лист, потом снова вернулась к началу и продолжила читать.

Нина рассказывала, что Полина окончила колледж, устроилась на свою первую работу и собирается самостоятельно снимать квартиру. Она вспоминала, как Елена когда-то помогала племяннице готовиться к школьным праздникам, шила ей костюмы и привозила книги. Затем несколько строк были посвящены матери, которая, по словам Нины, часто спрашивала о младшей дочери, хотя сама никак не решалась первой сделать шаг к примирению. В конце письма старшая сестра предлагала встретиться, поговорить без прежних обвинений и попробовать хотя бы постепенно восстановить отношения.

«Если не хочешь приезжать ко мне, я сама приеду к тебе. Можно просто встретиться где-нибудь в городе, выпить чаю и поговорить. Я не прошу тебя забыть всё сразу, Лена. Но ведь мы с тобой уже взрослые женщины, неужели так и будем до старости друг на друга обижаться? Напиши мне, пожалуйста, хотя бы пару слов, чтобы я знала, что ты получила письмо».

Елена медленно опустила лист на стол. Она не могла вспомнить ничего подобного, хотя прекрасно помнила 2011 год. Тогда у них с Анатолием было немало домашних хлопот, она переходила на новую работу и часто задерживалась по вечерам. Иногда Елена спрашивала мужа, не слышал ли он чего-нибудь о Нине, однако тот неизменно отвечал, что родственники не интересуются их жизнью. Она постепенно перестала задавать подобные вопросы, стараясь убедить себя, что после стольких лет молчания уже невозможно что-либо изменить.

Но Нина писала. Она предлагала встретиться, вспоминала их детство и говорила, что мать спрашивает о младшей дочери.

Елена снова взяла конверт и внимательно осмотрела его. Почтовый адрес был указан правильно, а штемпель ясно свидетельствовал, что письмо отправили пятнадцать лет назад. Женщина попыталась представить, каким образом оно могло попасть к Анатолию, но не нашла убедительного объяснения. Даже если муж случайно забрал почту из ящика и положил конверт среди своих бумаг, почему он так и не передал его жене?

Она поспешно взяла следующий конверт. Он был отправлен несколькими годами позже и тоже оказался адресован ей. В письме Нина поздравляла младшую сестру с днём рождения, рассказывала о семейных новостях и признавалась, что не понимает причин продолжающегося молчания. Старшая сестра писала уже осторожнее, без прежней надежды на скорое примирение, но всё-таки просила Елену сообщить, получила ли она хотя бы одно из предыдущих писем.

«Я не собираюсь навязываться тебе, если ты действительно не хочешь меня видеть. Просто очень трудно поверить, что всё между нами закончилось именно так. Помнишь, как мы маленькими бегали к речке и мама ругалась, когда возвращались с мокрыми ногами? Я иногда думаю об этом и не понимаю, как получилось, что теперь мы даже с праздниками друг друга не поздравляем».

Елена невольно улыбнулась сквозь подступившие слёзы. Речку она помнила прекрасно, как и старенький деревянный мост, с которого они с Ниной прыгали в воду, несмотря на материнские запреты. Старшая сестра всегда первая решалась на какую-нибудь шалость, а потом старалась взять вину на себя, если родители начинали ругаться. В детстве Елена считала Нину самым надёжным человеком на свете и искренне верила, что они никогда не смогут серьёзно поссориться. Только теперь, спустя двадцать лет, она вдруг вспомнила, как сильно любила старшую сестру до того, как между ними появилась эта бесконечная взаимная обида.

Женщина положила второе письмо рядом с первым и начала разбирать остальные конверты. Некоторые оказались пустыми, в других лежали старые открытки и несколько поздравлений, написанных знакомым почерком. Елена всё больше терялась, не понимая, почему муж

хранил их среди своих документов. Раздражение постепенно сменялось тревогой, поскольку простая случайность уже не могла объяснить такое количество не полученных ею писем.

Она хотела было позвонить Анатолию, но остановилась. Муж находился в магазине и вряд ли смог бы что-нибудь объяснить по телефону, да и сама Елена пока не знала, о чём именно собирается спрашивать. Ей хотелось сначала разобраться в найденных бумагах, убедиться, что ничего не перепутано, и понять, как давно Нина пыталась восстановить отношения. Женщина снова взяла стопку конвертов и принялась внимательно просматривать оставшиеся.

Последний конверт оказался заметно тоньше остальных. Его бумага пожелтела по краям, а почерк был совершенно другим, более мелким и аккуратным. Елена перевернула конверт, посмотрела на адрес отправителя и вдруг почувствовала слабость в коленях. Она узнала эти буквы сразу, хотя не видела их уже четырнадцать лет.

Письмо было написано матерью.

Елена медленно опустилась на стул и несколько секунд просто смотрела на конверт. На нём стояла дата весны 2012 года, а обратный адрес принадлежал родительскому дому. Женщина помнила этот адрес наизусть, хотя давно перестала бывать там. Она даже представила старый почтовый ящик возле калитки, куда мать каждое утро заглядывала, надеясь получить письмо от родственников или очередную газету.

Руки неожиданно задрожали. Елена осторожно достала лист бумаги, сложенный вчетверо, и увидела знакомый почерк, от которого сразу защипало глаза. Мать всегда писала аккуратно, стараясь не делать помарок, хотя в последние годы жаловалась, что пальцы стали хуже слушаться. Теперь буквы действительно выглядели менее ровными, некоторые строки немного уходили вниз, однако каждая из них оставалась удивительно узнаваемой.

«Леночка, здравствуй, моя дорогая. Не знаю, дойдёт ли до тебя это письмо и захочешь ли ты мне ответить. Столько времени прошло с нашей последней встречи, что я уже и сама не понимаю, почему мы никак не можем поговорить. Нина говорит, что ты всё ещё обижаешься, но я надеюсь, что это когда-нибудь пройдёт. Я на тебя давно не сержусь, доченька. Мало ли чего люди друг другу наговорят, когда разозлятся. Я ведь тоже была неправа, и теперь часто об этом думаю».

Елена перестала читать. Слова расплывались перед глазами, и ей пришлось несколько раз моргнуть, чтобы снова увидеть буквы. Она помнила мать другой — строгой, обиженной, отказывавшейся разговаривать с младшей дочерью. Именно такой образ постепенно сложился у неё за годы разлуки, поскольку Анатолий постоянно повторял, что старшая сестра настроила мать против неё. Елена привыкла считать, что родительница так и не смогла простить её за семейную ссору и решение остаться с мужем.

А теперь перед ней лежало письмо, в котором мать сама просила о примирении.

Женщина вытерла глаза ладонью и продолжила читать. Мать рассказывала о небольших домашних делах, о том, как Нина помогла ей привести в порядок сад, и о старой яблоне, которая неожиданно снова начала хорошо плодоносить. Она спрашивала, как здоровье Елены, не слишком ли много та работает и почему совсем перестала приезжать. Несколько раз в письме повторялась просьба хотя бы позвонить, если личная встреча пока кажется слишком трудной.

«Я в последнее время часто устаю и уже не так хорошо себя чувствую, как раньше. Но ты не беспокойся, старость ведь никого не украшает. Мне бы очень хотелось увидеть тебя, Леночка, пока мы ещё можем спокойно посидеть вместе и поговорить. Я иногда достаю наши старые фотографии и всё думаю, как же быстро вы с Ниной выросли. А мне ведь кажется, будто совсем недавно вы маленькими по дому бегали. Приезжай, доченька, если сможешь. Я очень по тебе соскучилась».

Последние строки Елена прочитала несколько раз. Мать просила приехать, говорила, что скучает, и ни одним словом не напоминала о прежней обиде. Елена попыталась вспомнить, что происходило весной 2012 года, но память возвращала лишь отдельные подробности. Она рабо-

тала тогда в другом медицинском центре, часто задерживалась и очень уставала. Несколько раз спрашивала Анатолия, не слышал ли он чего-нибудь о родственниках, поскольку приближался материнский день рождения. Муж отвечал, что никаких новостей нет, а если бы Нина или мать пожелали восстановить отношения, давно бы сами позвонили.

Елена помнила даже один из этих разговоров. Она сидела на кухне, перебирала старые фотографии и вдруг сказала Анатолию, что, наверное, стоило бы попробовать съездить к матери. Муж тогда нахмурился, напомнил о прежних семейных скандалах и спросил, зачем ей снова унижаться перед людьми, которые столько лет не желают её видеть. Елена обиделась, расплакалась, а затем сама решила, что действительно не станет навязываться. Теперь она смотрела на письмо и не могла понять, как всё это могло произойти.

Мать умерла в мае того же года.

Известие о смерти пришло слишком поздно, когда похороны уже состоялись. Елена до сих пор помнила тот вечер, когда Анатолий вернулся домой и сообщил ей страшную новость. Он тогда сказал, что родственники даже не потрудились предупредить младшую дочь, настолько сильно Нина настроила против неё всю семью. Елена не могла поверить, что мать умерла, а она ничего не знала, и несколько дней почти не разговаривала. Потом муж отвёз её на кладбище, где женщина долго стояла возле свежей могилы, чувствуя себя совершенно лишней в собственной семье.

Теперь ей становилось ясно, что мать вовсе не отказывалась от примирения.

Елена положила письмо на стол и закрыла лицо руками. Несколько минут она сидела неподвижно, прислушиваясь к тиканью настенных часов и далёкому шуму машин за окном. На кухне пахло кофе, который она сварила ещё утром, а на полу возле стола лежали старые папки Анатолия. Всё вокруг оставалось прежним, но женщина никак не могла справиться с ощущением, что привычные воспоминания внезапно перестали соответствовать действительности.

Она снова взяла письмо и осторожно провела пальцами по неровным строчкам. Ей вспомнилось, как мать учила её писать, когда она была маленькой. Елена долго не могла правильно выводить некоторые буквы, злилась, бросала карандаш, а мать садилась рядом, терпеливо поправляла её руку и просила попробовать ещё раз. Потом были школьные годы, первые самостоятельные поездки, знакомство с Анатолием и свадьба, на которой мать плакала от радости. Елена попыталась вспомнить их последнюю встречу, но перед глазами возникали лишь раздражённые лица родственников и собственная обида. Ей хотелось хотя бы на минуту вернуть тот день, поговорить с матерью иначе, обнять её перед отъездом и не позволить старому конфликту превратиться в многолетнее молчание.

Однако самым страшным оставался вопрос, на который женщина не находила ответа. Почему письмо находилось среди документов мужа? Почему Анатолий, знавший, насколько тяжело жена переживает разрыв с матерью, не передал ей ни одной строчки?

Елена поднялась, прошлась по кухне и снова остановилась возле стола. Первым желанием было немедленно позвонить мужу и потребовать объяснений, но затем она решила дождаться его возвращения. Ей хотелось видеть лицо Анатолия, когда она покажет ему найденные письма. Женщина хорошо знала мужа и почти всегда замечала, когда тот пытался скрыть раздражение или уйти от неприятного разговора.

Она ещё раз пересмотрела конверты, внимательно разложила их по датам и убедилась, что все они адресованы именно ей. Среди них не оказалось ни одного письма, которое она могла бы вспомнить как полученное. Елена почувствовала, как прежняя растерянность постепенно уступает место гневу. Она не знала, почему Анатолий спрятал переписку, но уже понимала, что случайностью подобное объяснить невозможно.

Когда в прихожей повернулся ключ, женщина вздрогнула. Она не заметила, сколько времени прошло с момента его ухода, и почти забыла о протекающей трубе. Анатолий вошёл в квартиру с небольшим пакетом из хозяйственного магазина, поставил его возле двери и недо-

вольно сообщил, что нужную вещь пришлось искать сразу в двух местах. Затем он снял куртку, переобулся и направился на кухню, собираясь, по-видимому, выпить воды.

— Лен, ты коробки-то убрала? — спросил он ещё из коридора. — Я сейчас там всё доделаю, потом обратно поставим. Только не говори, что ты уже половину моих бумаг выбросила, а то я тебя знаю. У тебя ведь всё старое сразу ненужным становится.

Елена не ответила. Она сидела за кухонным столом, положив перед собой письма, и смотрела на дверной проём. В этот момент ей вспомнилось, как часто муж упрекал её в забывчивости, невнимательности и чрезмерной эмоциональности. Обычно подобные слова раздражали, но теперь женщина впервые подумала, что Анатолий мог скрывать от неё гораздо больше, чем несколько старых семейных известий.

Муж появился на пороге, продолжая что-то рассказывать о магазине, но внезапно замолчал. Его взгляд упал на разложенные конверты, затем на письмо, которое Елена держала в руке. Лицо мужчины заметно изменилось, хотя уже через несколько секунд он постарался придать себе обычное недовольное выражение.

— Это что ещё такое? — спросил Анатолий, подходя ближе. — Я же просил мои документы не разбирать. Неужели нельзя было просто коробки вытащить и дождаться, пока я вернусь?

Елена медленно подняла голову. Ей пришлось сделать усилие, чтобы не закричать сразу, хотя от одного только вида мужа внутри снова поднималась злость. Она взяла ближайший конверт и протянула ему, внимательно наблюдая за его лицом.

— Объясни мне, пожалуйста, что это, — произнесла женщина. — Только не начинай опять про свои документы. Здесь письма, адресованные мне. От Нины, от мамы. Ты можешь объяснить, почему они лежали среди твоих бумаг?

Анатолий не спешил брать конверт. Он посмотрел на него, затем перевёл взгляд на остальные письма и недовольно нахмурился. Елена заметила, что муж сразу понял, о каких документах идёт речь, хотя продолжал изображать удивление.

— Откуда я знаю, почему они там лежали? — ответил он после непродолжительного молчания. — Старые бумаги, мало ли что куда попало. Может, я когда-то почту забрал и вместе со своими документами положил. Ты же видишь, сколько лет прошло.

— Толя, здесь несколько писем, — Елена указала на разложенные конверты. — Они отправлены в разные годы. Одно в одиннадцатом, другое позже, ещё какие-то открытки. И все они лежали вместе, перевязанные бечёвкой. Ты хочешь сказать, что случайно складывал мои письма в одну стопку, а потом случайно забыл мне их отдать?

Муж раздражённо отодвинул стул и сел напротив. Он несколько секунд молчал, рассматривая бумаги, затем потянулся к одному из конвертов. Елена не позволила ему взять письмо и придвинула стопку ближе к себе. Этот простой жест неожиданно вызвал у Анатолия сильное недовольство.

— Ты чего от меня бумаги прячешь? — спросил он, повышая голос. — Я, между прочим, тоже имею право посмотреть, что ты там нашла в моих вещах. Не надо сразу устраивать допрос, словно я преступление какое-то совершил.

— Это не твои вещи! — Елена не выдержала и ударила ладонью по столу. — Здесь моё имя написано, понимаешь? Мне письма отправляли! Нина хотела со мной помириться, мама просила приехать, а я ничего об этом не знала. Почему они оказались у тебя?

Анатолий поморщился и откинулся на спинку стула. Он выглядел человеком, которого несправедливо обвиняют в какой-то давно забытой мелочи. Елена прекрасно знала это выражение лица и обычно начинала сомневаться в собственной правоте, когда муж принимался разговаривать подобным образом. Но теперь она продолжала смотреть на него, ожидая ответа.

— Ну, допустим, я убрал несколько писем, — наконец произнёс Анатолий. — И что из этого? Ты прекрасно помнишь, что тогда между вами происходило. Нина тебя постоянно

изводила, мать тоже хороша была. Я не хотел, чтобы всё опять начиналось сначала. Ты потом неделями ходила сама не своя, плакала, срывалась на мне. Думаешь, мне приятно было на всё это смотреть?

Елена несколько секунд не могла произнести ни слова. Она ожидала услышать какую-нибудь неубедительную историю о случайно забытых конвертах, но муж неожиданно признал, что действительно скрывал письма. Причём говорил об этом так, словно речь шла о совершенно обычном поступке, который не требует никаких объяснений.

— Ты убрал? — медленно переспросила она. — То есть ты получил письмо, увидел, что оно адресовано мне, и решил, что я не должна его читать? Я правильно тебя поняла?

— Лена, не передёргивай, — раздражённо ответил Анатолий. — Я не собираюсь вспоминать каждую бумажку пятнадцатилетней давности. Да, возможно, тогда посчитал, что тебе лучше ничего не знать. И что? У нас после вашей ссоры наконец нормальная жизнь началась, а тут опять Нина со своими разговорами. Я не хотел нового скандала.

— А у меня ты спросить не догадался? — Елена почувствовала, как голос начинает дрожать от возмущения. — Может быть, я сама хотела с сестрой помириться? Может быть, я ждала от неё хотя бы слова столько лет? Ты ведь знал, как мне было тяжело после нашей ссоры. Ты всё это прекрасно видел!

— Вот именно, что видел! — Анатолий снова повысил голос и раздражённо отодвинул от себя пустую чашку. — Я всё это на себе испытал. Кто тебя успокаивал, когда ты из-за Нины ночами не спала? Кто терпел твои слёзы и бесконечные разговоры о том, какая у тебя ужасная семья? А теперь получается, что я ещё и виноват, потому что не захотел снова через всё это проходить.

Елена смотрела на мужа и с трудом узнавала в нём человека, с которым прожила больше тридцати лет. Она привыкла к его раздражительности, придиркам и тяжёлому характеру, но никогда прежде не представляла, что он способен сознательно скрывать от неё попытки примирения с родными. Особенно страшным было то, что Анатолий вовсе не казался смущённым собственным признанием. Напротив, чем дольше продолжался разговор, тем увереннее он обвинял жену в неблагодарности.

— Значит, ты решил, что имеешь право распоряжаться моими отношениями с сестрой, — произнесла Елена, стараясь удержать голос от срыва. — Мне уже сорок лет тогда было, Толя. Я взрослая женщина, у меня своя голова на плечах. Как ты вообще мог решить, что будешь читать мои письма и выбирать, какие из них мне показывать?

— Да не читал я их все подряд! — раздражённо возразил муж. — Увидел, от кого письмо, и убрал. Ты же тогда сама говорила, что знать их больше не хочешь. А теперь вдруг решила, что я должен был бегать за тобой и уговаривать помириться с людьми, которые тебя столько лет унижали.

Елена хотела ответить, но взгляд случайно упал на материнское письмо. Она взяла его обеими руками, осторожно расправила лист и некоторое время смотрела на знакомый почерк. Всё остальное внезапно перестало иметь значение. Нина была жива, с ней ещё можно было поговорить, попытаться исправить прошлое и разобраться в давней ссоре. Но матери уже четырнадцать лет не было на свете, и никакой разговор больше не мог изменить того, что произошло весной 2012 года.

— А это? — спросила Елена, протягивая мужу письмо. — От мамы тоже нужно было меня спасать? Она мне написала, что скучает, что давно простила и хочет увидеться. Посмотри, Толя, она сама просила меня приехать. А я ведь думала, что она меня видеть не желает!

Анатолий отвёл взгляд. Несколько секунд он рассматривал край стола, затем протянул руку к письму, но Елена снова убрала его. Женщина заметила, что муж стал заметно напряжённее, чем во время разговора о Нине. Однако он быстро справился с собой и раздражённо покачал головой.

— Мало ли что твоя мать тогда писала, — ответил он. — Сегодня она хотела помириться, а завтра Нина опять бы ей что-нибудь наговорила. Ты же сама прекрасно знаешь, как у вас всё происходило. Я не собирался каждый раз ввязываться в ваши семейные разборки.

Елена отшатнулась, словно муж неожиданно толкнул её. Ей было трудно поверить, что он способен так спокойно говорить о женщине, которая умерла много лет назад. Она снова посмотрела на письмо, затем на Анатолия и почувствовала, как по щекам начинают течь слёзы. На этот раз женщина даже не попыталась их скрыть.

— Мама умерла через несколько недель после этого письма, — сказала она, с трудом выговаривая слова. — Ты понимаешь, что она умерла? Я ведь так и не поговорила с ней. Я даже не знала, что она меня звала. А ты знал, что она хочет меня видеть, и молчал.

— Лена, хватит уже, — Анатолий устало провёл рукой по лицу. — Я не виноват в том, что твоя мать умерла. Не надо теперь всё на меня сваливать. Вы сами столько лет не разговаривали, а я просто не хотел, чтобы у нас дома опять начались скандалы.

— Я тебя не спрашиваю, виноват ли ты в её смерти! — Елена вскочила из-за стола и с такой силой отодвинула стул, что тот ударился о кухонный шкаф. — Я спрашиваю, почему ты спрятал её письмо! Почему я четырнадцать лет жила и думала, что мама меня не простила? Ты же видел, как я плакала после похорон. Ты сам меня на кладбище возил! Ты всё это помнишь?

Анатолий тоже поднялся. Лицо его покраснело, губы сжались, и Елена поняла, что муж окончательно потерял терпение. Однако вместо ответа на её вопросы он снова принялся обвинять жену в том, что она намеренно раздувает давнюю семейную историю.

— Вот поэтому я и не хотел тебе ничего показывать! — сердито произнёс он. — Ты посмотри, что с тобой творится. Нашла какие-то старые письма и уже готова меня во всех смертных грехах обвинить. Тридцать один год вместе прожили, а ты теперь из-за нескольких бумажек такой скандал устраиваешь, словно я тебе всю жизнь испортил.

Елена хотела возразить, но внезапно почувствовала, что говорить больше не может. Она стояла возле стола, прижимая письмо к груди, и смотрела на мужа, который продолжал что-то раздражённо объяснять. До неё долетали отдельные слова о семейном спокойствии, неблагодарности и давних обидах, но смысл этих оправданий постепенно перестал иметь значение. Женщина впервые за много лет пыталась понять не то, почему они снова поссорились, а насколько хорошо она вообще знала человека, с которым прожила большую часть собственной жизни.

Анатолий наконец замолчал и направился к двери. Он сообщил, что не намерен продолжать бессмысленный разговор и собирается заняться трубой, пока жена окончательно не испортила ему выходной день. Елена смотрела ему вслед, ощущая, как внутри снова поднимается гнев. Она не собиралась позволять мужу закончить разговор привычным способом, оставив её виноватой в очередной семейной ссоре.

— Подожди, Толя, — произнесла она, и муж остановился возле дверного проёма. — Ты мне так и не ответил. Я понимаю, что ты спрятал письма Нины, потому что не хотел нашего примирения. Но мама здесь при чём? Она тебе что плохого сделала, что ты даже её письмо от меня убрал?

Анатолий медленно обернулся. Он несколько секунд смотрел на жену, словно решая, стоит ли вообще отвечать, затем раздражённо пожал плечами. На его лице не было ни сожаления, ни смущения, которых Елена так отчаянно надеялась увидеть.

— Я тогда посчитал, что так будет лучше, — наконец произнёс он. — Для тебя, для меня, для нашей семьи. И не собираюсь теперь оправдываться за каждое решение, которое принимал пятнадцать лет назад. Ты бы лучше вспомнила, сколько раз я тебя от неприятностей спасал, вместо того чтобы обвинять меня во всём подряд.

Муж вышел из кухни, оставив Елену среди разложенных писем. Через несколько секунд в коридоре послышались его шаги, затем скрипнула дверь кладовой. Он действительно вер-

нулся к протекающей трубе, словно только что произошёл самый обычный семейный спор, который можно забыть уже к ужину. Елена медленно опустилась на стул и снова посмотрела на материнское письмо. Теперь она уже не сомневалась, что муж сознательно скрыл от неё чужие слова, однако по-прежнему не понимала, сколько ещё подобных решений он принимал за её спиной.

Она осторожно сложила письма и убрала их в свою сумку, чтобы Анатолий больше не смог к ним прикоснуться. Затем достала телефон и открыла старую записную книжку, в которую когда-то переписывала семейные номера. Контакт Нины давно перестал быть действующим, однако Елена решила, что обязательно найдёт способ связаться с сестрой. Ей нужно было узнать, сколько писем та отправляла, почему перестала пытаться помириться и что в действительности происходило в последние месяцы жизни матери.

Из кладовой снова донёсся голос Анатолия. Он попросил принести ему тряпку и недовольно добавил, что жена могла бы хотя бы немного помочь, вместо того чтобы сидеть над старыми бумагами. Елена посмотрела в сторону коридора, но отвечать не стала. Впервые за долгие годы ей было совершенно безразлично, насколько сильно муж рассердится из-за её молчания. Она достала материнское письмо, ещё раз прочитала последние строки и осторожно провела ладонью по пожелтевшей бумаге.

Мать просила её приехать. Мать давно простила её и хотела увидеть, а она все эти годы даже не подозревала об этом. Елена вспомнила, сколько раз Анатолий повторял, что никто из родных больше не желает с ней разговаривать, и почувствовала, как слёзы снова подступают к глазам. Однако теперь вместе с болью в ней крепло другое чувство, которого она прежде почти не испытывала по отношению к мужу. Женщина больше не хотела слушать его объяснения, пока не узнает, что в действительности произошло между ней и собственной семьёй.

Она убрала письмо обратно в сумку и направилась в спальню, собираясь разыскать старые адреса родственников. В коридоре Анатолий снова окликнул её, но Елена прошла мимо, даже не повернув головы. У неё оставалось слишком много вопросов, и на этот раз она не собиралась довольствоваться ответами мужа.

ГЛАВА 2. Я ТЕБЯ ОТ НИХ СПАСАЛ

Елена выдвинула нижний ящик комода и принялась перебирать старые записные книжки, которые много лет хранила вместе с фотографиями и открытками. Некоторые номера были записаны ещё в те времена, когда у каждого члена семьи имелся домашний телефон, а мобильные только начинали входить в повседневную жизнь. Женщина нашла несколько фамилий бывших коллег, старые адреса родственников и даже телефон парикмахерской, в которую ходила больше двадцати лет назад, но номер Нины никак не попадался. Она прекрасно помнила, что когда-то записывала его, причём не один раз, однако после семейной ссоры намеренно перестала пользоваться этим контактом. Возможно, старая запись осталась в телефоне, который давно сломался, а может быть, сама Елена когда-то вычеркнула номер, стараясь избавиться от неприятных воспоминаний. Сейчас ей было трудно поверить, что она могла поступить настолько глупо, но ведь тогда женщина действительно считала старшую сестру человеком, который окончательно отказался от общения с ней.

Из кладовой доносились приглушённые звуки инструментов и раздражённое ворчание мужа. Анатолий уже дважды звал её помочь, однако Елена так и не вышла из спальни. Она слышала, как мужчина передвигал коробки, открывал воду и снова что-то перекрывал, но не испытывала ни малейшего желания возвращаться к обычным домашним обязанностям. Перед глазами всё ещё стояли строки материнского письма, а в голове постоянно всплывал один и тот же вопрос. Если мать действительно хотела помириться, почему она так и не получила ответа? И сколько ещё подобных писем Анатолий мог убрать, даже не посчитав нужным сообщить об этом жене?

Через некоторое время муж появился в дверях спальни. На нём была старая домашняя рубашка, рукава которой он закатал до локтей, а на ладони виднелось небольшое пятно грязи. Анатолий остановился возле комода и некоторое время наблюдал за тем, как жена перебирает бумаги, после чего недовольно покачал головой.

— Я тебя уже третий раз зову, — произнёс он, стараясь говорить спокойно, хотя раздражение в голосе было совершенно очевидным. — Там нужно коробки обратно поставить, а ты сидишь и какими-то записными книжками занимаешься. У нас, между прочим, вода текла, если ты не забыла. Или тебе теперь вообще ни до чего дела нет?

— Коробки подождут, — ответила Елена, даже не повернув головы. — Я ищу телефон Нины. Не помню, куда записывала, но где-то он у меня точно был. Если не найду, попробую через знакомых узнать.

Анатолий несколько секунд молчал. Елена заметила краем глаза, как он прислонился к дверному косяку и скрестил руки на груди. Она хорошо знала это выражение лица: муж уже приготовился объяснять, почему её решение является неправильным, но пока выбирал подходящие слова.

— Значит, ты всё-таки решила снова к сестрице своей обращаться, — наконец произнёс он. — Ну что ж, попробуй. Только потом не говори, что я тебя не предупреждал. Нина ведь такая же осталась, как двадцать лет назад, люди в этом возрасте уже не меняются.

Елена отложила записную книжку и повернулась к мужу. Ей хотелось спросить, откуда он знает, какой стала Нина, если сам много лет уверял, будто не поддерживает с ней никаких отношений. Однако женщина решила начать с другого, поскольку обнаруженные письма по-прежнему не давали ей покоя.

— Ты мне лучше скажи, сколько их было, — потребовала она, внимательно глядя на Анатолия. — Сколько писем ты от меня спрятал за эти годы? Я нашла несколько, но ведь это не значит, что других не было. Ты хоть помнишь, когда начал этим заниматься?

— Лена, мы уже разговаривали, — устало ответил муж, словно жена в сотый раз возвращалась к давно решённому вопросу. — Я тебе объяснил, что не хотел новых семейных скандалов. Тогда и без того жизнь была непростая, а твоя Нина постоянно пыталась лезть в наши отношения. Я не собирался позволять ей снова доводить тебя до слёз.

— Не надо мне сейчас рассказывать, до чего она меня доводила, — перебила Елена, поднимаясь со стула. — Я сама прекрасно помню наши ссоры. Я спрашиваю о письмах, которые были адресованы мне, а не тебе. Ты их получал, прятал и даже не говорил, что сестра пытается со мной связаться. Сколько раз это происходило?

Анатолий раздражённо вздохнул и прошёл к окну. Некоторое время он стоял спиной к жене, рассматривая двор, где возле подъезда медленно парковалась соседская машина. Елена не торопила его, хотя чувствовала, как начинает злиться от этой нарочитой неторопливости. Муж всегда умел вести неприятные разговоры таким образом, чтобы собеседник первым потерял терпение и начал повышать голос. После этого Анатолий обычно объявлял, что с человеком, который не способен разговаривать спокойно, обсуждать серьёзные вопросы бессмысленно.

— Да откуда я знаю, сколько их было? — наконец ответил он, оборачиваясь. — Пять, десять, может, меньше. Столько лет прошло, я не обязан всё помнить. Увидел письмо от Нины, убрал, чтобы ты опять не расстраивалась. Потом, наверное, ещё что-то приходило. Я ведь не знал, что ты через пятнадцать лет начнёшь из-за этого устраивать разбирательство.

— Пять или десять? — Елена даже растерялась от его ответа. — Ты понимаешь, что сейчас говоришь? Значит, это не случайно произошло, не однажды. Ты годами получал мои письма и решал, что я не должна их читать. И при этом каждый раз уверял меня, что родные знать меня не хотят!

— А они и не хотели! — Анатолий резко повысил голос. — Ты сама прекрасно помнишь, что произошло в две тысячи шестом году. Нина тогда открытым текстом предлагала тебе бросить мужа и переехать к ней. Она вообще считала, что лучше всех знает, как тебе жить. Я должен был спокойно смотреть, как она разрушает нашу семью?

Елена невольно отвела взгляд. Осень 2006 года действительно осталась в памяти тяжёлым временем, хотя подробности постепенно стёрлись. Она помнила несколько серьёзных ссор с Анатолием, собственную усталость и обиду на мужа. Тогда Нина предложила младшей сестре пожить у неё, пока семейные отношения не наладятся, и даже приготовила отдельную комнату. Елена действительно собиралась на несколько дней уехать, но потом передумала. Анатолий в те дни неожиданно стал внимательнее, извинился за резкие слова и обещал больше не устраивать скандалов из-за пустяков. Елена решила дать браку ещё один шанс, а Нина восприняла это как очередную уступку человеку, который, по её мнению, совершенно не считался с женой.

— Нина предлагала мне пожить у неё после нашей ссоры, — напомнила Елена, стараясь не поддаваться раздражению. — И я сама тогда собиралась уйти на несколько дней, если ты помнишь. Никто меня насильно из дома не вытаскивал. Потом мы с тобой помирились, и я осталась. При чём здесь письма, которые приходили через пять, десять лет после этого?

— При том, что твоя сестра никогда не могла успокоиться, — отрезал Анатолий. — Ты осталась со мной, а она решила, что я тебя каким-то образом заставил. Помнишь, как потом на семейном ужине она опять начала рассказывать, что тебе нужно жить отдельно? Я тогда ещё промолчал, хотя мог поставить её на место. А ты после этого неделю ходила расстроенная.

Елена действительно помнила тот ужин. Они приехали к матери по случаю небольшого семейного праздника, и сначала всё складывалось вполне спокойно. За столом разговор зашёл о ремонте, который супруги собирались делать в квартире, а затем Анатолий позволил себе несколько пренебрежительных замечаний о том, как жена распоряжается деньгами. Нина вмешалась, попросила зятя не унижать сестру перед родственниками, и разговор быстро превратился в ссору. Елена тогда рассердилась на старшую сестру за то, что та выставила их семейные

разногласия напоказ, а Нина обвинила её в бесконечных попытках оправдывать мужа. Они наговорили друг другу столько неприятного, что расстались, даже не попрощавшись.

— Я помню, — ответила Елена после непродолжительного молчания. — И помню, что сама тогда была на Нину зла. Но я не собиралась всю жизнь с ней не разговаривать. Ты ведь видел, что потом я много раз о ней спрашивала. Почему не сказал, что сестра пишет мне письма?

Анатолий недовольно поморщился, словно жена намеренно не желала понимать совершенно очевидные вещи. Он прошёл к комоду, взял лежавшую сверху старую записную книжку и повертел её в руках. Елена сразу забрала книжку обратно, поскольку ей было неприятно, что муж продолжает без спроса трогать её вещи.

— Потому что ничего хорошего эти письма тебе не принесли бы, — произнёс он, отступая на шаг. — Вы бы опять начали выяснять, кто кого обидел, потом Нина стала бы вспоминать наши семейные дела, а ты снова ходила бы сама не своя. Я уже через всё это проходил и прекрасно понимал, чем закончится очередное примирение. Тебе самой тогда было лучше без этих разговоров.

— Ты меня хоть раз спросил, чего я хочу? — Елена почувствовала, как голос снова начинает дрожать. — Хотела ли я мириться с сестрой, хотела ли увидеть племянницу, хотела ли поговорить с матерью? Ты всё решал сам, Толя. И теперь ещё объясняешь мне, что так было лучше.

— Потому что кто-то должен был думать о нашей семье! — раздражённо ответил муж. — Ты всегда сначала что-нибудь сделаешь, потом начинаешь переживать, а разгребать приходится мне. Сколько раз такое было? Я тебе плохого не желал, между прочим. Наоборот, старался оградить от людей, которые только и знали, что тебя расстраивали.

Елена отвернулась к комоду и несколько секунд перебирала оставшиеся записные книжки, почти не видя написанного. Ей хотелось кричать, требовать объяснений, напомнить мужу все случаи, когда она сама решала семейные проблемы и помогала ему справляться с неприятностями. Но сейчас главным оставалось не это. Анатолий продолжал говорить о своей заботе, словно речь шла о том, что он не позволил жене переутомляться или избавил её от неприятного разговора с посторонним человеком. Между тем он скрыл от неё попытки примирения с родной сестрой и матерью, а теперь даже не считал нужным извиниться.

— Я не ребёнок, Толя, — произнесла она наконец, повернувшись к нему. — И в две тысячи одиннадцатом году ребёнком не была. Мне тогда сорок один исполнился. У меня была работа, своя жизнь, я прекрасно могла сама решить, хочу ли отвечать Нине. Ты не имел никакого права отнимать у меня эту возможность.

— Опять ты про права, — Анатолий недовольно махнул рукой. — Мы муж и жена, у нас общая жизнь. Если я видел, что какие-то люди вредят нашей семье, то почему должен был спокойно на это смотреть? Ты бы лучше вспомнила, сколько раз я тебя поддерживал, когда родные отворачивались.

Елена посмотрела на него с таким возмущением, что мужчина на мгновение замолчал. Именно эти слова он произносил на протяжении многих лет, и прежде жена действительно воспринимала их как напоминание о собственной несчастливой семейной истории. Теперь же она впервые задумалась, насколько часто Анатолий сам рассказывал ей о равнодушии родственников. Практически все сведения о Нине и матери после ссоры поступали через него, а она привыкла не сомневаться в этих рассказах.

— А откуда ты вообще знал, что они от меня отворачивались? — спросила Елена, внимательно глядя мужу в лицо. — Нина писала мне письма, мама тоже писала. Получается, они пытались со мной связаться. А ты всё время говорил, что они даже слышать обо мне не хотят. Откуда ты это взял, если прекрасно видел обратное?

Анатолий заметно раздражился. Он несколько секунд смотрел на жену, затем покачал головой и направился к двери спальни. Елена сразу поняла, что муж собирается закончить неприятный разговор, не ответив на вопрос.

— Знаешь что, я устал от твоих обвинений, — заявил он, остановившись у порога. — Если тебе так хочется считать меня негодяем, пожалуйста. Только не забывай, что именно я все эти годы был рядом, когда твоя сестра занималась собственной жизнью и даже не интересовалась, как ты поживаешь. А теперь из-за нескольких старых бумажек ты решила перечеркнуть тридцать один год нашего брака.

Елена хотела броситься следом и заставить его продолжить разговор, но вовремя остановилась. Она понимала, что очередная ссора ничего не изменит. Муж снова станет говорить о её характере, о собственной преданности и о том, насколько неблагодарной она оказалась. Между тем у неё были письма, написанные совершенно другими людьми, и ответы следовало искать прежде всего у них.

Оставшись одна, женщина закрыла ящик комода и села на край кровати. Несколько минут она пыталась успокоиться, но перед глазами снова возникало лицо Анатолия, когда тот произнёс, что не видел ничего плохого в сокрытии чужих писем. Елена прожила с ним большую часть взрослой жизни, и теперь ей было особенно тяжело принять мысль, что привычный, хорошо знакомый человек способен считать подобный поступок проявлением заботы. Она не могла понять, действительно ли муж не осознавал причинённого вреда или просто не желал признавать собственную вину.

Телефон завибрировал на тумбочке. Звонила Людмила, с которой Елена ещё утром договорилась встретиться после обеда. Женщина взглянула на экран и только теперь вспомнила о своём обещании. Ей стало неловко, что она совершенно забыла о подруге, но ехать в гости после всего произошедшего не хотелось.

— Люда, извини меня, пожалуйста, — сказала Елена, отвечая на звонок. — Я сегодня к тебе не приду. У нас тут неприятности дома, да ещё труба потекла, всё вверх дном. Давай в другой раз встретимся, ладно? Я тебе потом обязательно позвоню.

Людмила сразу заметила, что голос подруги звучит непривычно. Она стала расспрашивать, не случилось ли чего-нибудь серьёзного, и предложила приехать сама, если Елене нужна помощь. Та на мгновение почувствовала желание рассказать всё, что обнаружила среди документов мужа, однако быстро отказалась от этой мысли. Ей пока самой было трудно разобраться в случившемся, а обсуждать семейную историю с посторонними, даже близкими людьми, женщина ещё не была готова.

— Да нет, ничего такого, — ответила она, стараясь говорить спокойнее. — Просто неприятный день получился. С Анатолием поссорились, теперь вот ещё уборка эта. Не переживай, Люда, я справлюсь. Завтра или послезавтра обязательно позвоню, и тогда уже нормально поговорим.

Закончив разговор, Елена некоторое время сидела неподвижно, глядя на экран телефона. Она привыкла делиться с Людмилой небольшими семейными неприятностями, но никогда прежде не рассказывала подруге о серьёзных конфликтах с мужем. Анатолий всегда болезненно воспринимал даже случайные упоминания об их ссорах и считал, что жена не имеет права обсуждать домашние дела с другими людьми. Раньше Елена не видела в этом ничего необычного, поскольку сама не любила выносить семейные разногласия на всеобщее обсуждение. Теперь же ей неожиданно захотелось поговорить с человеком, который не станет сразу оправдывать мужа и объяснять, почему она должна быть ему благодарна.

Ближе к вечеру Анатолий закончил возиться с трубой и позвал жену ужинать. Елена сначала хотела отказаться, но затем почувствовала голод и отправилась на кухню. Муж успел пожарить картошку, нарезать овощи и даже поставил на стол её любимые маринованные огурцы. Обычно после тяжёлых ссор он нередко делал что-нибудь подобное, предпочитая не

просить прощения словами. Елена привыкла считать такие мелочи своеобразным примирением и чаще всего соглашалась вернуться к обычным отношениям, не вспоминая неприятного разговора.

На этот раз всё было иначе. Она села за стол, поблагодарила мужа за ужин и взяла вилку, но никак не могла заставить себя разговаривать о повседневных делах. Анатолий некоторое время ел молча, затем включил телевизор на кухне и принялся комментировать какую-то новость. Елена почти не слушала, продолжая думать о найденных письмах. Муж, заметив её молчание, сначала попытался рассказать о своём походе в магазин, а затем наконец понял, что жена не собирается делать вид, будто ничего не произошло.

— Ты так и будешь весь вечер сидеть с таким лицом? — спросил он, откладывая вилку. — Я тебе картошки пожарил, трубу починил, всё убрал. Можно хотя бы за ужином нормально поговорить, без этих бесконечных претензий? У меня, между прочим, тоже нервы не железные.

— Я тебе за ужин спасибо сказала, — ответила Елена, поднимая глаза. — И за трубу тоже могу поблагодарить, если тебе это так важно. Но письма от этого никуда не исчезнут. Я не собираюсь делать вид, будто сегодня ничего не случилось.

Анатолий тяжело вздохнул. Некоторое время он молча смотрел на тарелку, словно надеялся, что жена сама продолжит разговор в более примирительном тоне. Однако Елена не собиралась оправдываться за собственную обиду, и мужчина вскоре снова вернулся к привычным объяснениям.

— Да что ты хочешь от меня услышать? — спросил он, разводя руками. — Чтобы я перед тобой на колени встал из-за писем пятнадцатилетней давности? Я уже объяснил, почему так поступил. Если ты считаешь, что я ошибся, хорошо, пусть будет по-твоему. Но зачем теперь всю жизнь из-за этого перечёркивать?

— Я хочу понять, почему ты решил, что можешь читать мою почту и скрывать от меня письма, — ответила Елена, чувствуя, как снова начинает сердиться. — И ещё хочу знать, что произошло с письмом матери. Она просила меня приехать, а я даже не знала об этом. Ты ведь прекрасно помнишь, как я переживала после её смерти.

— Лена, твоя мать и до этого постоянно на здоровье жаловалась, — возразил Анатолий, отодвигая тарелку. — То давление у неё, то сердце, то ещё что-нибудь. Я не мог знать, что через несколько недель она умрёт. Ты же сама понимаешь, что никто такие вещи заранее не предсказывает.

Елена замерла с вилкой в руке. До этого момента она не задумывалась, насколько много муж мог знать о последних месяцах материнской жизни. В письме действительно упоминались усталость и плохое самочувствие, но ничего не говорилось о серьёзной болезни. Теперь же слова Анатолия неожиданно заставили её вспомнить, как после похорон она пыталась выяснить обстоятельства материнской смерти, но муж уверял, будто родственники намеренно скрыли от неё все новости.

— Подожди, — произнесла женщина, медленно откладывая вилку. — А ты знал, что мама болела? Не просто жаловалась на давление, а действительно серьёзно болела? Тебе кто-нибудь тогда говорил об этом?

Анатолий заметно напрягся, но почти сразу принял обычное раздражённое выражение. Он взял стакан воды, сделал несколько глотков и только после этого ответил, словно вопрос жены был совершенно бессмысленным.

— Никто мне ничего определённого не сообщал, — сказал он. — Я видел, что в письме она на здоровье жалуется, вот и всё. Мало ли какие болезни бывают в таком возрасте. Твоя мать уже не молодая была, это всем понятно. Не надо теперь делать вид, будто я какие-то страшные известия от тебя скрывал.

— А если бы я получила письмо, то сама могла бы ей позвонить, — возразила Елена. — Могла бы спросить, как она себя чувствует, нужна ли помощь. Может быть, мы бы даже помирились. Ты понимаешь, что отнял у меня такую возможность?

— А может быть, вы бы опять поссорились, — раздражённо ответил муж. — Ты сейчас рассуждаешь так, будто точно знаешь, что произошло бы четырнадцать лет назад. А я помню, как всё было на самом деле. Ты тогда сама говорила, что больше не хочешь унижаться перед родственниками, которые тебя знать не желают.

Елена почувствовала, как к глазам снова подступают слёзы, и с досадой отвернулась. Ей было неприятно плакать перед мужем, особенно после того, как он столько раз обвинял её в чрезмерной эмоциональности. Однако теперь слёзы появлялись не столько от обиды, сколько от мучительной мысли о том, что мать могла ждать её приезда, пока сама Елена продолжала считать примирение невозможным. Она пыталась представить, каким мог быть их разговор, если бы письмо дошло вовремя. Возможно, они действительно снова поссорились бы, а может быть, мать просто обняла бы младшую дочь, и многолетняя вражда закончилась бы за несколько минут.

— Ты не имел права решать за нас обеих, — тихо сказала Елена, вытирая глаза салфеткой. — Что бы ни случилось потом, это должно было быть наше решение. Моё и мамино. А ты просто взял письмо и спрятал, потому что тебе так было удобнее.

Анатолий раздражённо отодвинул стул. Он поднялся из-за стола, взял свою тарелку и поставил её в раковину, после чего некоторое время стоял спиной к жене. Елена видела, как напряглись его плечи, и понимала, что разговор снова подходит к той границе, за которой муж начинал открыто злиться.

— Значит, я теперь во всём виноват, — произнёс он наконец, поворачиваясь. — И в том, что вы с Ниной поссорились, и в том, что мать твоя умерла, и в том, что ты сама двадцать лет не пыталась с ними помириться. Очень удобно получается. Только почему-то ты забываешь, что рядом с тобой все эти годы был я, а не твои замечательные родственники.

— Я ничего не забываю, — резко ответила Елена. — Но теперь начинаю понимать, почему они столько лет не появлялись в моей жизни. Возможно, дело было вовсе не только в нашей ссоре. Возможно, ты сам сделал всё, чтобы мы больше не разговаривали.

Муж обернулся так резко, что Елена невольно вздрогнула. На его лице появилось выражение искреннего возмущения, словно жена только что обвинила его в совершенно немыслимом поступке. Он подошёл к столу и остановился напротив неё, опираясь ладонями на спинку стула.

— Ты хоть понимаешь, что сейчас говоришь? — спросил Анатолий, заметно повышая голос. — Я тебе тридцать один год жизни отдал, а ты теперь утверждаешь, будто я специально от родных тебя оторвал. Да если бы не я, ты после той ссоры вообще одна осталась бы! Нина тебя знать не хотела, мать всегда старшую больше любила. Кто тебя тогда успокаивал? Кто рядом был?

Елена тоже поднялась. Она почувствовала, как злость постепенно вытесняет прежнюю растерянность. Муж снова повторял знакомые обвинения, но теперь каждое из них напоминало о письмах, лежавших в её сумке. Нина действительно писала ей, мать действительно хотела увидеть, а Анатолий всё это время уверял жену в совершенно противоположном.

— Не смей больше рассказывать мне, кто меня любил, а кто нет! — воскликнула она, не пытаясь скрыть возмущение. — Я сегодня собственными глазами читала письма. Нина хотела со мной встретиться, мама звала приехать. А ты всё время повторял, что они меня ненавидят. Теперь я хочу сама узнать, что произошло, и твоих объяснений мне больше недостаточно.

Анатолий усмехнулся, но в этой усмешке не было ни малейшего веселья. Он отошёл к окну, некоторое время постоял возле него, затем снова повернулся к жене. Елена заметила,

что муж пытается взять себя в руки, однако раздражение всё равно прорывается в каждом его слове.

— Ну и узнавай, — ответил он. — Найди свою Нину, съезди к ней, попроси прощения за всё подряд. Только потом не приходи ко мне жаловаться, когда она снова начнёт тебя унижать. Я больше не собираюсь разгребать ваши семейные неприятности.

— Не беспокойся, не приду, — отрезала Елена, забирая со стола свою тарелку. — И разрешения у тебя больше спрашивать не стану. Я уже достаточно долго слушала, что мне делать с собственной семьёй.

Она поставила посуду в раковину и вышла из кухни, не желая продолжать разговор. Анатолий ещё что-то говорил ей вслед, но Елена не остановилась. В спальне она закрыла дверь, села на кровать и несколько минут просто смотрела перед собой. Слёзы постепенно высохли, однако внутри оставалось тяжёлое, мучительное чувство, будто привычная жизнь внезапно оказалась построенной на чём-то совершенно ненадёжном.

Вечером женщина ещё несколько раз возвращалась к найденным письмам. Она внимательно перечитала оба послания Нины, затем снова взяла письмо матери и попыталась вспомнить, говорила ли когда-нибудь с мужем о возможности примирения после 2012 года. Оказалось, что говорила, причём неоднократно. Иногда Елена спрашивала, не стоит ли попробовать связаться хотя бы с племянницей, ведь Полина не была виновата в ссоре взрослых. Анатолий неизменно отвечал, что девушка наверняка выросла под влиянием матери и едва ли захочет поддерживать отношения с тётей. Елена тогда соглашалась, не желая снова испытывать боль от возможного отказа.

Теперь ей становилось неприятно вспоминать собственную доверчивость. Она привыкла считать себя вполне самостоятельной женщиной, способной принимать решения и отвечать за них. На работе Елена никогда не позволяла посторонним вмешиваться в свои обязанности, умела спорить с руководством и защищать сотрудников, если считала их правыми. Однако дома она годами верила мужу в вопросах, которые должна была выяснять самостоятельно. Женщина пыталась объяснить себе, почему так происходило, и постепенно понимала, что дело заключалось не только в настойчивости Анатолия. Ей самой было легче поверить в окончательность семейной ссоры, чем рискнуть снова протянуть руку людям, которые, как ей казалось, могли её отвергнуть.

Ближе к ночи муж заглянул в спальню и спросил, собирается ли она ложиться. Елена сидела возле окна с записной книжкой и даже не сразу подняла голову. За последние несколько часов Анатолий заметно успокоился и теперь разговаривал почти обычным тоном, словно дневные скандалы окончательно остались позади.

— Ты бы уже спать ложилась, — сказал он, останавливаясь возле двери. — Завтра воскресенье, можно спокойно отдохнуть. Я утром за хлебом схожу, а потом, если хочешь, съездим куда-нибудь. Не будем из-за старых историй друг другу выходные портить.

Елена медленно закрыла книжку. Её поразило, насколько легко мужу удавалось возвращаться к обычной жизни после тяжёлых разговоров. Она ещё не успела справиться с потрясением, а Анатолий уже предлагал забыть всё случившееся и провести выходной так, словно утром жена не обнаружила письма, способные изменить её представление о собственном прошлом.

— Толя, я завтра собираюсь искать Нину, — ответила она, стараясь говорить спокойно. — Если найду номер, позвоню ей. И вообще хочу разобраться со всей этой историей, поэтому никуда с тобой не поеду. Ты можешь отдыхать, как считаешь нужным.

Муж помрачнел. Он несколько секунд смотрел на жену, затем вошёл в спальню и сел на край кровати. Елена почувствовала знакомое раздражение, поскольку прекрасно понимала, что сейчас снова последуют объяснения о неблагодарных родственниках и необходимости сохранить семейное спокойствие.

— Лена, я ведь тебе плохого не желаю, — произнёс Анатолий неожиданно мягко. — Ты сейчас злишься, я понимаю. Нашла письма, расстроилась, вспомнила мать. Но подумай сама, зачем тебе снова ворошить прошлое? У нас нормальная семья, мы столько лет вместе. Неужели ты хочешь всё испортить из-за людей, которые давно живут своей жизнью?

Елена смотрела на мужа и вспоминала, как когда-то любила именно эту его манеру разговаривать. После тяжёлых ссор Анатолий умел становиться внимательным, говорить спокойным голосом, осторожно касаться её руки и напоминать о хороших временах. Раньше женщина обычно начинала сомневаться в собственных претензиях и старалась поскорее помириться. Но сейчас перед глазами снова стояло письмо матери, написанное незадолго до смерти, и привычные слова мужа уже не действовали.

— Я не хочу ничего портить, — ответила Елена после продолжительного молчания. — Я хочу узнать правду. Если Нина действительно меня ненавидит, пусть сама мне об этом скажет. Если мама хотела помириться, я хочу знать, почему её письмо так и не попало ко мне. И я больше не позволю тебе решать, какие семейные новости мне можно получать, а какие нельзя.

Анатолий раздражённо выдохнул и поднялся. Его лицо снова приобрело знакомое недовольное выражение, хотя ещё минуту назад он пытался говорить примирительно. Елена заметила эту перемену, но больше не испытывала желания смягчить собственные слова.

— Ну что ж, поступай как знаешь, — сказал муж, направляясь к двери. — Только потом не обвиняй меня, когда опять останешься виноватой перед всей роднёй. Я тебя предупреждал и больше вмешиваться не собираюсь. Если тебе так хочется снова через всё это пройти, пожалуйста.

Он вышел, оставив дверь приоткрытой. Елена ещё долго сидела возле окна, прислушиваясь к привычным домашним звукам. Из гостиной доносился телевизор, где Анатолий смотрел вечерние новости, иногда покашливая и переключая каналы. Всё было совершенно обыденно, как в сотни других вечеров их совместной жизни. Однако женщине никак не удавалось избавиться от ощущения, что теперь между ними появилось нечто гораздо более серьёзное, чем очередная ссора.

Ночью Елена долго не могла уснуть. Она несколько раз вставала, пила воду и возвращалась в постель, стараясь не будить мужа. Анатолий спал спокойно, повернувшись к ней спиной, и лишь изредка ворочался. Елена смотрела на него в темноте и вспоминала первые годы брака, когда они вместе строили планы, выбирали мебель и мечтали о будущем. Тогда ей казалось совершенно естественным доверять мужу, рассказывать ему обо всём и рассчитывать на его поддержку. Теперь же она пыталась понять, в какой момент доверие превратилось в привычку принимать чужие решения за собственные.

Особенно мучительно возвращались воспоминания о матери. Елена видела её на старой фотографии, которая когда-то стояла в родительском доме, вспоминала запах свежей выпечки и знакомый голос, которым мать звала дочерей ужинать. Она пыталась представить, как та сидела весной 2012 года за столом и писала младшей дочери письмо, надеясь получить ответ. Возможно, мать потом несколько раз спрашивала Нину, не приходили ли какие-нибудь известия. Елена не знала, что происходило в родительском доме в те недели, и именно это неизвестное теперь причиняло ей особенную боль.

Под утро женщина всё-таки задремала, но проснулась раньше обычного. Анатолий ещё спал, поэтому Елена осторожно поднялась, оделась и отправилась на кухню. Она сварила кофе, достала из сумки письма и ещё раз внимательно просмотрела конверты. Затем включила телефон и начала искать людей, которые могли знать актуальный номер Нины. В старых контактах нашлось несколько знакомых из родного города, но большинство номеров уже не работало. Женщина решила попробовать через социальные сети и после непродолжительных поисков обнаружила страницу бывшей соседки, с которой когда-то часто общалась в молодости.

Её звали Ирина, и много лет назад они жили на соседних улицах. Ирина была немного старше Елены, хорошо знала Нину и некоторое время поддерживала отношения с обеими сёстрами. Потом все разъехались, обзавелись собственными семьями и постепенно перестали общаться. Елена не знала, сохранила ли знакомая контакт с Ниной, но решила попробовать. Она написала короткое сообщение, объяснив, что ищет телефон старшей сестры и будет благодарна за любую помощь.

Ответ пришёл неожиданно быстро. Ирина сначала удивилась внезапному обращению, спросила, как поживает Елена, а затем сообщила, что иногда встречает Нину в родном городе и может попробовать узнать её номер. Через полчаса она прислала телефон и добавила, что надеется на благополучное примирение сестёр. Елена несколько минут смотрела на цифры, не решаясь нажать кнопку вызова. Ей казалось странным, что спустя двадцать лет молчания возможность поговорить с родным человеком вдруг оказалась настолько простой. Достаточно было написать старой знакомой, дождаться ответа и набрать номер, который всё это время существовал где-то совсем рядом.

Анатолий появился на кухне, когда Елена уже собиралась звонить. Муж выглядел сонным, но настроение у него, по-видимому, было неплохим. Он налил себе кофе, достал из хлебницы батон и некоторое время занимался завтраком, не обращая внимания на жену. Лишь заметив, что та сидит с телефоном в руках и почти не притрагивается к своей чашке, мужчина насторожился.

— Ты чего такая задумчивая? — спросил он, садясь за стол. — Опять свои письма перечитывала? Я думал, ты за ночь успокоилась, а ты, похоже, и сегодня собираешься весь день этим заниматься. Мы ведь вчера уже всё обсудили.

— Я нашла номер Нины, — ответила Елена, поднимая глаза. — Сейчас буду звонить. Хочу сама спросить, какие письма она отправляла и почему мы столько лет не разговаривали. Если она не захочет со мной общаться, по крайней мере, я услышу это от неё самой.

Анатолий замер с чашкой в руке. Елена заметила, что муж сразу перестал жевать и некоторое время смотрел на телефон, лежавший перед ней. Затем он поставил чашку на стол и раздражённо покачал головой.

— Вот ведь упрямая женщина, — произнёс он. — Я тебе вчера целый вечер объяснял, чем всё это закончится. Нина сейчас обрадуется, что ты сама ей позвонила, начнёт вспоминать старые обиды, обвинять меня во всём подряд. А потом ты опять будешь сидеть и плакать, потому что сестра в очередной раз тебя унизила.

— Толя, мне пятьдесят шесть лет, — ответила Елена, чувствуя, как раздражение снова поднимается внутри. — Я прекрасно могу поговорить с собственной сестрой без твоих советов. Если мы поссоримся, значит, сами будем разбираться. Но ты больше не будешь решать, кому из нас что говорить.

— Ну и прекрасно, — Анатолий отодвинул чашку. — Только потом не рассчитывай, что я стану выслушивать очередные жалобы на Нину. Мне этих историй за тридцать лет хватило. Хочешь снова с ней связываться, пожалуйста, но последствия будут исключительно твоей заботой.

Елена ничего не ответила. Она взяла телефон и вышла из кухни, поскольку разговаривать с сестрой в присутствии мужа совершенно не хотелось. В спальне женщина закрыла дверь, подошла к окну и ещё раз посмотрела на найденный номер. Несколько секунд она просто держала телефон в руке, вспоминая, как раньше могла звонить Нине в любое время, рассказывать о работе, жаловаться на неприятности или делиться радостными новостями. Теперь же ей предстояло заговорить с человеком, который за двадцать лет почти превратился в чужого.

Она нажала кнопку вызова. Гудки тянулись мучительно долго, и Елена уже собиралась прекратить звонок, когда на другом конце наконец ответили. Женский голос оказался удивительно знакомым, хотя звучал немного ниже и усталее, чем сохранилось в памяти.

— Алло, слушаю вас, — произнесла Нина. — Кто это? У меня номер незнакомый, вы, наверное, ошиблись.

Елена почувствовала, как пересохло в горле. Ей вдруг стало трудно назвать собственное имя, хотя ещё несколько минут назад она твёрдо решила поговорить с сестрой без прежних обид. Женщина осторожно присела на край кровати и несколько секунд собиралась с силами.

— Нина, это я, Лена, — наконец произнесла она. — Не знаю, узнаёшь ли ты меня по голосу. Я через знакомую номер нашла, хотела с тобой поговорить. Ты только трубку не клади, пожалуйста, я ненадолго.

На другом конце наступила тишина. Елена слышала слабый шорох и чьё-то далёкое движение, словно сестра отошла в другую комнату. Затем Нина снова заговорила, и в её голосе появилось напряжение, которого прежде не было.

— Лена? — переспросила она. — Господи, сколько же лет прошло. Я уж и не думала, что когда-нибудь от тебя звонка дождусь. Что случилось? Ты ведь не просто так мой номер разыскивала.

Елена невольно сжала телефон сильнее. В голосе сестры слышались и удивление, и недоверие, и старая обида, которую не могли стереть двадцать лет молчания. Женщина почувствовала, как снова подступают слёзы, но заставила себя говорить спокойно.

— Я вчера нашла несколько твоих писем, — сказала она. — Старых, ещё с одиннадцатого года. Ты там писала, что хочешь помириться, предлагала встретиться. Нина, скажи мне, пожалуйста, ты действительно их отправляла? Или я чего-то не понимаю?

Сестра некоторое время молчала. Затем Елена услышала тяжёлый вздох, после которого Нина заговорила заметно тише. Теперь в её голосе уже не было прежней настороженности, зато появилось какое-то странное недоумение.

— Конечно, отправляла, — ответила она. — И не одно письмо, между прочим. Я тогда долго думала, стоит ли вообще писать после всего, что между нами произошло. Потом всё-таки решилась, потому что мама очень переживала из-за нашей ссоры. Но ты ведь ни разу не ответила. Я решила, что ты действительно не хочешь иметь с нами ничего общего.

— Я не получала этих писем, Нина, — Елена почувствовала, как голос начинает срываться. — Ни одного, понимаешь? Я только вчера их нашла, среди документов Анатолия. Он сказал, что специально не отдавал, потому что не хотел новых семейных скандалов. Я даже не знала, что ты пыталась со мной помириться.

На другом конце снова стало тихо. Елена несколько раз повторила имя сестры, решив, что связь прервалась, однако затем услышала её дыхание. Нина не торопилась отвечать, словно пыталась осмыслить только что услышанное.

— Подожди, Лена, — наконец произнесла она. — Ты хочешь сказать, что все эти годы даже не знала о моих письмах? Что Анатолий их получал, а тебе ничего не говорил? Господи, да неужели он наконец рассказал тебе правду?

Елена выпрямилась и почувствовала, как холодеют пальцы. Последние слова сестры прозвучали настолько неожиданно, что она на мгновение забыла обо всех вопросах, которые собиралась задать. Нина говорила так, словно уже давно знала о чём-то, чего младшая сестра даже не подозревала.

— Какую правду? — быстро спросила Елена. — Нина, ты о чём сейчас говоришь? Анатолий мне ничего толком не объяснил. Сказал только, что прятал письма ради моего спокойствия. Ты что-то ещё знаешь?

Нина тяжело вздохнула. Елена услышала, как на другом конце передвинули стул, затем наступила непродолжительная пауза. Когда сестра снова заговорила, голос её звучал значительно серьёзнее.

— Лена, по телефону я не хочу всё это обсуждать, — сказала она. — Слишком много между нами произошло, и боюсь, что мы опять начнём ссориться, даже не разобравшись. Если

ты действительно хочешь узнать, что случилось двадцать лет назад, приезжай ко мне. Я никуда не уезжаю, можем хоть завтра встретиться. Только давай на этот раз поговорим сами, без твоего Анатолия.

Елена несколько секунд молчала, пытаясь справиться с волнением. Ей хотелось немедленно потребовать объяснений, расспросить о письмах, матери и давних семейных событиях. Однако она понимала, что сестра права: двадцать лет молчания невозможно преодолеть за несколько минут телефонного разговора. Кроме того, в голосе Нины слышалось такое напряжение, что Елена впервые всерьёз испугалась услышать нечто гораздо более страшное, чем уже обнаруженные письма.

— Хорошо, я приеду, — ответила она, стараясь говорить твёрдо. — Завтра утром выеду, к обеду буду у тебя. Только, Нина, скажи мне хотя бы одно. Ты действительно хотела со мной помириться все эти годы? Я ведь была уверена, что ты меня больше видеть не желаешь.

— Хотела, Лена, — тихо ответила сестра. — Не всегда, конечно. Бывали дни, когда я так на тебя злилась, что и слышать ничего не могла. Но потом вспоминала, что мы с тобой родные, что мама всё время о тебе спрашивала. Я много раз пыталась сделать первый шаг, только каждый раз получалось так, будто ты сама от нас отказываешься. Давай завтра поговорим, хорошо? Мне тоже есть что тебе сказать.

Они попрощались неловко, словно совершенно чужие люди, которые случайно обнаружили давнее знакомство. Елена ещё несколько секунд держала телефон возле уха, хотя разговор уже закончился. Затем медленно опустила руку и посмотрела в окно. Во дворе гуляли родители с детьми, возле подъезда соседка разговаривала с пожилой женщиной, а по дорожке торопливо шёл мужчина с продуктовым пакетом. Обычная воскресная жизнь продолжалась, не замечая того, что для Елены привычная история собственной семьи начала стремительно меняться.

Она подошла к комоду, открыла сумку и достала материнское письмо. Теперь женщина уже не сомневалась, что Анатолий скрывал от неё гораздо больше, чем несколько случайных семейных посланий. Нина действительно хотела помириться, действительно отправляла письма и явно знала какие-то обстоятельства, о которых муж предпочитал молчать. Елена чувствовала одновременно страх перед предстоящей встречей и сильное желание наконец услышать правду, какой бы неприятной она ни оказалась.

Из кухни снова донёсся голос Анатолия. Муж спрашивал, закончила ли она разговаривать и собирается ли наконец завтракать. Елена осторожно сложила письмо, убрала его обратно в сумку и направилась к двери. Теперь ей предстояло сообщить мужу, что завтра она поедет к Нине, однако после телефонного разговора женщина уже не сомневалась в собственном решении. Впервые за двадцать лет старшая сестра ждала её приезда, и Елена не собиралась снова отказываться от встречи из-за чужих предупреждений.

ГЛАВА 3. ТЫ ВЕДЬ САМА ОТ НАС ОТКАЗАЛАСЬ

Елена проснулась задолго до будильника и некоторое время лежала, прислушиваясь к ровному дыханию мужа. За окном ещё было

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.